

трансвеститы — не то, чем они кажутся

ОЛЬГА ГЕРДТ

В Москве на открытии Международного фестиваля современного танца Dance Inversion показали «Амелию» Эдуарда Лока. Спектакль компании La La Human Steps, произведший фурор во многих странах, москвичей не столько поразил, сколько напугал.

Превращение — любимый процесс хореографа Эдуарда Лока. Поэтому его танцовщики часто похожи на шустрых насекомых Фотограф: Игорь Захаркин / Газета

19 августа — 2003 — 30 сент. — С. 9.

Перед спектаклем зрители возбужденно вчитывались в программку, где сообщалось, что спектакль «Амелия» — воспоминание хореографа Лока о двух трансвеститах, с которыми он познакомился лет двадцать назад: «Тогда, столкнувшись с трансвеститами, я впервые прочувствовал комбинацию естественного и неестественного. Возможно, эта встреча повлияла на все мое творчество».

После спектакля зрители выглядели оглушенными. Трансвеститов они так и не дождались, а вот комбинаций «естественного и неестественного» было хоть отбавляй. Одни сидели, как прибитые к стульям, и даже не пытались аплодировать, другие неистовствовали, свистели и кричали «браво». Обрушившееся на зрителей действие было из числа тех спектаклей Эдуарда Лока, о которых писали, что они «для фанатов рока, ненавидящих танец, и для поклонников танца, ненавидящих рок». На сумасшедшей скорости полтора часа пять танцовщиц сверлили сцену пуантами, бились и кружились в руках партнеров, как заводные волчки. Четверо танцовщиков резали воздух руками и скрещивали ноги в прыжках с такой частотой, что, казалось, вот-вот взлетят. При всем изобилии пируэтов, антраша и мелкой пуантной техники зрелище ни на секунду не походило на балет. За черным занавесом, напоминающим тончайшую паутину, в черных костюмах художницы Лиз

Вандал, в окружении музыкантов, играющих живую музыку минималиста Дэвида Ланга, артисты вряд ли танцевали в привычном смысле. Скорее на запредельной скорости телеграфировали миру о чем-то явно разумном, но понятном не более чем дельфиний клеток.

Экстремизм Лока — тема всех публикаций о его стиле. Так повелось с начала восьмидесятых, когда в спектаклях Лока появилась Луиза Лекавалье — светловолосая фурия со стальными мускулами, мужским торсом, нежнейшим ангельским лицом и трогательными клоунскими ужимками. Головокружительные трюки она выполняла с таким невинным лицом, словно демонстрировала шалости не ведающего, что творит, ребенка. Свою музу Эдуард Лок встретил в Монреале — она была студенткой, изучавшей модерн и современный танец, а вокруг него (танцем Лок начал заниматься в восемнадцать лет, во что поверить практически невозможно) уже собирались канадские интеллектуалы, соображавшие, каким бы таким невербальным способом выразить современной культуре свой протест. О труппе позднее писали как о сообществе новаторов, увлеченных поисками «физических пределов танца».

За двадцать лет, что Лок покорял Канаду, Америку и Европу, труппу ни разу не видели в России: Луиза Лекавалье, мать полугодовалых близняшек, увы, уже не танцу-

ет в спектаклях Лока, но ее «виртуальный» образ сопровождает труппу на гастролях (фильмы с участием Луизы через день после премьеры «Амелии» в Москве Лок самолично показывал в Музее кино). За это время танцоры Лока, кажется, окончательно сменили кроссовки на пуанты. Но не для того, чтобы танцевать классику, а чтобы в высокоскоростном режиме переплавить ее в новый танцевальный язык.

В «Амелии» хореография Лока, заставляющая танцовщиков работать руками и ногами с частотой машущей крыльями стрекозы, могла бы показаться чистым садизмом, если бы не многое, объясняющее присутствие на сцене не менее виртуозных музыкантов — виолончелиста, скрипача и пианиста. Когда рядом с танцовщиком, который пытается удержать быющуюся в руках балерину, видишь виолончелиста, извлекающего тугие звуки из не менее сложного инструмента, понимаешь, что хореограф имел в виду. Тело — тот же инструмент, механизм для производства движений. «Если вы хотите понять танец, — говорит Лок, — вы должны заткнуть уши. Если танец исчезает, когда исчезает музыка, значит, у этого танца большие проблемы».

Танец и музыка в «Амелии» сочинялись отдельно. Как самостоятельные и самостоятельные структуры. Можно закрыть глаза и слушать; можно заткнуть уши и смотреть.

Смысла не убавится и не прибавится. В спектакле Лока имеет значение лишь скорость. «Мы привыкаем к вещам, мы их не видим, мы о них думаем. То же и с нашим телом. Хореография нужна для того, чтобы увидеть тело по-новому. Когда наш разум не успевает за движением, мы начинаем его видеть. Поэтому я выбираю скорость».

Разум на «Амелии» точно не успевает. В глазах рябит, но зрители как загипнотизированные следят за экстремальным шоу, цель которого — получить то, что до Лока многие новаторы декларировали, но не умели материализовать, — имеющий отношение не столько к физике, сколько к метафизике танец «в чистом виде».

В октябре Лок покажет в Монреале еще и фильм «Амелия». Тогда же состоится и презентация DVD-версии. Не столько зрелище, сколько путешествие в духе «Внутренних миров» или «Алисы в Стране чудес». Под трогательную вокальную тему Дэвида Ланга вы погружаетесь в глубокий-преглубокий колодец, который то сужается, то расширяется под ногами танцующих человечков. Похоже, именно в виртуальной «Амелии» — больше, чем в сценической, — Локу удалось максимально реализовать свое воспоминание о двух трансвеститах и навсегда стереть границу между миром естественным и неестественным.

Лок Эдуард

30.09.03

281